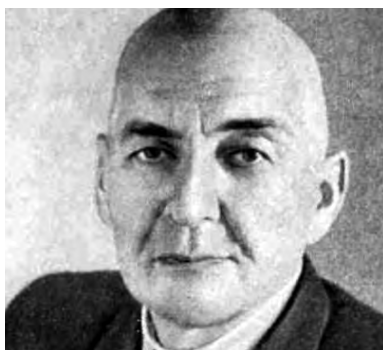

Лариса Ржепишевская

«Уходят дни и годы, и бегут века...»

Рассказывать всю биографию этого замечательного человека для меня большая честь и огромное удовольствие. В памяти людской останется надолго жизнь и деятельность выдающегося ученого с мировым именем, историка, лингвиста, археолога Михаила Федоровича Болтенко. Хотя он и не родился в Одессе, но большую часть сознательной жизни провел здесь, в нашем солнечном городе.

Родился Михаил Федорович Болтенко 2 сентября 1888 года в семье военнослужащего, топографа, генерал-майора, недалеко от местечка Осовец бывшей Гродненской губернии (сейчас территория Польши). Отец Федор Дмитриевич был беззаветно предан своему делу, много ездил по стране и за границу вместе с семьей, как того требовала служба. Он был примером и для маленького Миши. Детство Михаила было наполнено незабываемыми впечатлениями, селами, разными городами и странами. В 1893 г. вместе с генерал-майором Юлием Александровичем Шмидтом (отцом известного ученого) отец получает назначение на съемки Сибирской железной дороги. В этот период в России разворачивался грандиозный проект – строительство железнодорожного пути от Урала до Тихого океана. Самая длинная в мире магистраль. Путешествие к новому месту назначения из Гродно

в Иркутск длилось два месяца. Маршрут был следующим: Гродно – Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань – Иркутск.

О жизни семьи в Иркутске сохранились воспоминания Михаила Федоровича. Поначалу семья поселилась в одноэтажном бревенчатом бараке. Потом переехали в дом получше и побольше. В летнее время семья выезжала на дачу. Чтобы поступить в гимназию, Михаил занимался с мадемуазель Антуанет, которая была дочерью ссыльного польского генерала.

Антуанет была не просто хорошей гувернанткой, но и блестящим педагогом, хорошим воспитателем, сама увлеченно играла с детьми. С раннего детства Михаил уважительно относился к людям, независимо от их социального положения, происхождения или национальности. В семье всегда царил дух свободомыслия. Были и любимые писатели: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Некрасов... Отец был страстным знатоком и любителем истории. И, конечно, свою любовь и знания передавал сыну Михаилу. «Еще до поступления в гимназию, – вспоминал Михаил, – меня уже называли историком».

И вот 1897 год. Михаил идет в первый класс иркутской мужской гимназии. Вскоре и основные предметы определились: история, география, в дальнейшем и иностранные языки. Потом переезжали в Омск, Санкт-Петербург, Варшаву, Китай, в котором семья провела два года. Когда приехали в Одессу, Михаилу надо было оканчивать начальное образование и определиться с дальнейшей учебой. Вначале квартиру снимали, а в 1908 году отец получил шестикомнатную квартиру в новом доме на Пироговской, 3. Когда Михаил женился, отец переехал в дом 5 на той же улице.

Окончив 2-ю одесскую гимназию, Михаил поступает на историко-филологический факультет Новороссийского университета. Кроме истории Михаил изучал и знал много иностранных языков: латинский, греческий, древнегреческий, польский, болгарский, английский, немецкий, французский. После окончания университета Михаил Федорович вместе с профессором Штерном проводил новые исследования на острове Березань, был избран членом Одесского общества археологов. Преподавал иностранные языки в средних учебных заведениях. Свою трудовую

деятельность он начал преподавателем истории в мужской гимназии № 5. После закрытия гимназии его пригласили в Одесский археологический музей. Это дало ему возможность участвовать в археологических раскопках в Ольвии.

Но самым интересным было преподавание иностранных языков в одесских мужских гимназиях. Все свободное от работы время он занимался научно-исследовательской работой.

Женился на последнем курсе университета. Жена Евгения очень любила мужа и делала все, для того чтобы Михаилу было комфортно и удобно работать. Успокаивала детей, а их было трое (три дочери), когда они бегали, объясняла, что они мешают отцу работать. На что Михаил Федорович неизменно говорил, что дети ему никогда не мешают.

Когда произошла Октябрьская революция, Михаил задумался о будущем своей страны. Безусловно, на политические взгляды Михаила повлиял отец, который более 50 лет прослужил в царской армии. И не было ничего удивительного, что в апреле 1917 года Михаил стал членом кадетской партии и возглавил пропагандистскую работу в ней. От партии кадетов Михаил Федорович баллотируется в Городскую думу Одессы. От партии кадетов он и был включен в 1919 г. в Городскую думу. В 1934 году эти факты станут основным доказательством о контрреволюционной деятельности Михаила Федоровича Болтенко.

В 1921 году осуществил археологические раскопки в селе Усатово. За два месяца раскопок открыл сначала стоянку с орудиями труда, с фрагментами посуды из серой глины. Анализируя находки, убедительно доказал и датировал их 2 тыс. лет до нашей эры. Эти находки свидетельствуют о существовании на юге Украины своеобразной культуры, которая ознаменовала собой упадок Трипольской культуры и отделение кочевых племен на границе раннего бронзового периода. Это приблизительно начало 3 тыс. лет до н. э.

После окончания Гражданской войны интересно сложилась судьба Михаила Федоровича. Преподавал, занимался научно-исследовательской работой, раскопками, выступал с инициативой организации Одесского археологического института с подготовкой специалистов в области археологии и музейного дела. Занимался разработкой учебных программ, которые были

утверждены и одержали высокую оценку в отделе народного образования и в наркомате просвещения УССР. И таки добился своего.

Уже в 1921 году археологический институт начал свою работу. Сначала было 68 студентов, потом, в следующем учебном году, – 75. Вместе с другими преподавателями обеспечивал методическими материалами учебный процесс. Знакомил студентов с археологическими памятниками нынешнего археологического музея. Ассистировал профессору Б.В. Варнеке на занятиях

по античной керамике. В 1920 году Михаила Федоровича назначают на должность хранителя-демонстратора археологического музея. Работа в музее не оплачивалась, работа в трудовой школе не оплачивалась, вспоминала дочь Ольга.

В 20-х годах он преподает историю и языки в гимназии и в железнодорожных трудовых школах Одессы, на общеобразовательных курсах. В 1921 году Михаила Федоровича выбирают на должность профессора Одесского государственного техникума кинематографии. Он там читал курс лекций по истории культуры и искусства. Работал в лекторском бюро политпросвещения.

С 1924 по 1931 г. М.Ф. Болтенко руководит раскопками на острове Березань. Эти работы стали возможны благодаря самоотверженной работе Михаила Федоровича и его единомышленников. На острове, куда отправилась экспедиция, была только одна палатка. В нее в непогоду исследователи прятали археологическое оборудование и находки. Сами ютились в сохранившемся на острове блиндаже. В результате исследования было собрано много ценного материала, который дал возможность Михаилу Федоровичу по-новому рассматривать историю острова Березань с его грече-

скими поселениями, временем его заселения греками и его судьбу, после того как главным центром греческой торговли стала Ольвия.

С целью глубокого и всестороннего изучения археологических памятников юга Украины Михаил Федорович в начале 30-х годов обосновал проект основания в Одессе специализированного комбината черноморских археологических экспедиций. Проект получил полную поддержку со стороны сектора науки Наркомпросвещения УССР, который и поручил Михаилу Федоровичу возглавить его. Михаил Федорович руководил работами усатовской, ольвийской, березанской экспедиций, которые входили в комбинат.

В числе немногих советских ученых Михаил Федорович в 1927 г. был избран действительным членом Германского археологического института. В 1929 г. получил приглашение на международный конкурс историков в Оксфорд. В 1929 г. он выступает в археологическом институте в Берлине, в 1932 – на съезде историков в Лондоне.

Казалось бы, все хорошо: любимая работа, любимая жена, дети... Но не тут-то было. Где-то в середине 1932 г. в Одесский археологический музей был назначен некий Ковальский. Назначенный директор начал буквально с первых же дней своей работы вредить музею. Когда готовилась экспозиция, для экспонатов были заказаны рамы. Когда их привезли, то стало понятно, что они маленькие. И тут директор издает приказ: списать то, что не помещалось в рамки. Михаил Федорович, конечно, был удивлен этим диким распоряжением и на собрании выступил с критикой деятельности нового директора. И тут началось. Директор стал угрожать: «Ты будешь помнить, Болтенко!». С этого дня началась травля, создавались преграды, мешающие научной работе ученого. Директор не останавливался не перед чем. Опустился до того, что спрятал обувь Михаила Федоровича в ящик своего стола, когда тот уехал в Харьков (тогда столицу Украины). Это случайно заметила сотрудница музея.

Так как Михаил Федорович блестяще владел английским, французским и немецким языками, то, естественно, когда в музей были иностранные делегации, к нему обращались за помощью. Этим директор обосновал свой донос, обвиняя Михаила Федоровича в контрреволюционной деятельности на благо иностранных государств.

Политическая ситуация, которая сложилась в стране в 1933 году, никак не вдохновляла Михаила Федоровича на активную творческую работу. Он не мог понять мотивы и методы осуществления массовой коллективизации и других начинаний правительства того времени. «Складывается впечатление, что власть только и делает, что занимается вредительством», – говорил он. Волновал курс государственного партийного руководства на революционный и большевистский подход к науке, научным исследованиям, к научным работникам. Вся политика сводилась к замене молодых талантливых ученых, но беспартийных, на совсем не подготовленных партийных и комсомольских работников. «Я не знаю, что будет в дальнейшем с научными исследованиями, – говорил он в мае 1931 года, – но сейчас происходит вредительство делу: заменяют молодых талантливых ученых на плохо квалифицированных людей. И все это делают не потому, что нет кадров, а потому что такая система, политика государства».

Очевидно, уже тогда у него мелькнула мысль, что и ему предстоит столкнуться с подобными фактами. Все чаще он слышал упреки в своей принадлежности к кадетской партии. В 1932 году его увольняют с должности директора, а в 1933 году – и с должности заместителя директора археологического музея по научной работе. Удивленный такой несправедливостью, он, тем не менее, спокойно едет в Харьков, надеясь найти покой, работая в научно-исследовательском институте истории культуры Украины. Но скоро и тут недоверие. В январе 1933 года его увольняют. Таким образом, ученый с мировым именем стал безработным.

Чтобы понять весь трагизм ситуации, в которой оказался Михаил Федорович Болтенко, надо знать, что в то время органами НКВД проводились массовые аресты среди научных работников Харькова, знакомых Михаила Федоровича. Они могли хотя бы добрым словом поддержать его. Стремясь найти выход из круга преследований и обвинений, Михаил Федорович обращается за помощью в НКВД УССР. Там очень внимательно выслушали его объяснения и, успокоив, отпустили. Тишина длилась недолго. 2 июня 1934 года в НКВД УССР пришла телеграмма из Одессы, в которой рекомендовалось арестовать Михаила Федоровича Болтенко по подозрению

в шпионаже. М. Ф. нередко делился с близкими друзьями своими впечатлениями о Дальнем Востоке, Сибири, Китае, Японии.

Вызванный на допрос, Михаил Федорович ничего не скрывал. Рассказал о своих связях с учеными из Германии. Да и скрывать было нечего. Они хорошо были известны среди ученых. Однако воображение следователей рисовало совсем другую картину. «Безусловно, Болтенко М.Ф. представлял собой довольно солидную фигуру и должен был раскрыть серьезную контрреволюционную и шпионскую работу», – читаем в записях НКВД УССР.

Михаил Федорович был арестован и отправлен в Одесский отдел НКВД. За ним закрылись двери 51-й камеры 4-го корпуса одесской тюрьмы. Незамедлительно начались допросы. Следователей совсем не интересовала шпионская деятельность Михаила Федоровича. Они больше старались убедить его в том, что он принадлежит к контрреволюционной организации группы музейных работников. Когда дело приняло такой оборот, в качестве единственного выхода Михаил Федорович согласился с версией следствия, что в 1921 году он входил в ядро подпольной организации, которая действовала под прикрытием Одесской комиссии страноведения. Он согласился и с тем, что в 1925 году, во время всеукраинского съезда археологов, организация вошла в блок украинских националистов и великорусских белогвардейских элементов и вместе с ними стремилась уничтожить советскую власть и установить на Украине буржуазно-демократическую парламентскую республику.

После того как Михаила Федоровича заставили подписать большинство сфабрикованных протоколов допроса, он думал, что про него забыли. Однако 3 июня 1934 года следователь, вызвавший его на допрос, предложил ему дать чистосердечное признание в шпионской деятельности в интересах Японии.

Еще в 1927 году Михаила Федоровича приглашали в Оксфорд выступить с докладом «Трипольская культура на Украине». Этот факт широко освещали одесские газеты. Очевидно, он обратил на себя внимание японского консула в Одессе, который начал приглашать М. Ф. на официальные приемы, заходил в музей, бывал у него дома. Закономерные связи М. Ф. с японскими работниками консульства заинтересовали работников НКВД. Еще в 1928 году была проведена проверка, которая подтвердила, что взаимоотношения

с консулом Японии ограничивались исключительно научными интересами ученого. Но это было в 1928 году, а в 1934-м сотрудники НКВД уже по-новому рассматривали дело ученого.

Неизвестно, сколько раз Михаил Федорович садился за стол для допросов или находился в следственной камере. Вспоминает младшая дочь Ольга: «Больше всего меня потрясло, когда я увидела отца с синяками на руках и под глазами, когда пришли на свидание, которое длилось двадцать минут. Я была так напугана, что не могла сказать и слова. Больше мать меня с собой не брала. Только крепкое здоровье и оптимизм помогли отцу перенести все тяготы ссылки. В начале пути в тюрьму отца обокрали. Но уже в тюрьме, увидев его доброту и знания, те же заключенные его уважали. Когда прибывали новенькие, их предупреждали: «Профессора не трогать».

В его следственном деле сохранились три варианта, свидетельствующих о его связях с японцами, но ни один из них не являлся фактом шпионажа. И в обвинительном документе сделан вывод: обратить внимание на принадлежность Михаила Федоровича Болтенко к кадетской партии и его контрреволюционную деятельность. Следствие также утверждало, что М.Ф. Болтенко со своими политическими взглядами был одним из руководителей одесского филиала контрреволюционной организации музейных работников, основной целью которой была организация свержения советской власти путем вооруженного восстания. Для того чтобы приблизить этот момент, Болтенко М.Ф. формировал из антисоветских элементов штат работников музея, организовывал их в своих интересах. В течение нескольких лет занимался враждебной деятельностью в области музейной работы и археологии. Тот вклад, который ученый внес в развитие археологии, во внимание не принимался.

Прокурор Одессы не согласился с решением следствия о пятилетнем заключении М.Ф. Болтенко и предложил ограничиться трехгодичным заключением в трудовом лагере. Однако судебная тройка при комиссии НКВД УССР была солидарна со следствием. Пять лет исправительно-трудовых работ – таково было решение от 25 мая 1934 года. По иронии судьбы отбывать наказание он был направлен на Дальний Восток. Здоровье Михаила Федоровича значительно ухудшилось, и он получил вторую группу инвалидности. И по ходатайству своей жены (а она обратилась

с прошением о помиловании в НКВД СССР) 21 марта 1936 года был условно освобожден из мест заключения тяжело больным.

В конце 1936 года Михаил Федорович обратился с заявлением в НКВД УССР с просьбой пересмотреть его дело. Однако ответ на заявление давали уже работники НКВД СССР, которые в начале 1937 года вели следствие по так называемому делу «Восток», шпионской организации, членом которой, очевидно, был М.Ф. Болтенко. Только тяжелое состояние здоровья Михаила Федоровича не дало возможности доставить его в Киев, как того требовали следователи. Какая бы судьба ждала его, если бы он выполнил их требования, нетрудно догадаться. С незначительным улучшением здоровья Михаил Федорович встретил вывод НКВД УССР о невозможности досрочного освобождения. И только 29 июня 1936 года, ровно через пять лет после ареста, Михаил Федорович вышел на свободу.

Сразу вернуться в Одессу ему не удалось, не разрешили. Поселился недалеко от города, в селе Березовка.

Михаил Федорович пережил еще один рецидив нападений в последние годы культа личности Сталина (1951-1954). Только начиная с 1954 года все постепенно утихло. До самых последних дней (умер М.Ф. Болтенко 6 мая 1953 года) он нес тяжесть решения несправедливого суда. В 1949 году в заявлении на имя председателя Президиума Верховного Совета УССР Михаил Федорович просил пересмотреть его дело и снять судимость. Управление КГБ в Одесской области поддержало его просьбу. Но особый совет при КГБ СССР отказал ему в реабилитации. И только 26 июня 1990 года согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года несправедливое решение судьбоносной тройки было отменено.

И хотя Михаил Федорович не дожил до этого дня, его дождалась младшая дочь Ольга, которая получила извещение о посмертной реабилитации ее отца, имя которого золотыми буквами записано в истории советской и мировой науки.

